

ВОЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ М.Д. СКОБЕЛЕВА В СРЕДНЕЙ АЗИИ

В.В. Глушков (МФТИ)

В 1977 г. окончил геодезический факультет Военно-инженерной академии им. В.В. Куйбышева, в 1983 г. — очную адъюнктуру в 29-ом Научно-исследовательском институте Министерства обороны СССР. В 2004–2009 гг. — заместитель директора по научной работе в Институте истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. Одновременно в 2004–2015 гг. — профессор Московского государственного университета путей сообщения (МИИТ). В 2015–2016 гг. — профессор Московского технологического университета (МИРЭА), с 2017 г. — профессор Московского физико-технического института (государственного университета). Доктор географических наук, доктор технических наук. Действительный член Русского географического общества.

Выдающийся российский военачальник генерал от инфантерии Михаил Дмитриевич Скобелев был, безусловно, богато одаренным и талантливым человеком, что проявилось, прежде всего, на поле брани (рис. 1). Однако его превосходные качества за годы недолгой жизни нашли отражение также в военной географии, топографии и картографии, о чем его

Рис. 1
Генерал от инфантерии
М.Д. Скобелев (1843–1882)

нынешним соотечественникам, пожалуй, почти неизвестно.

В связи с этим, уместно будет подчеркнуть, что до сих пор в среде авторитетных ученых, в том числе и членов Русского географического общества, бытует устойчивое мнение, что М.Д. Скобелев вполне мог бы стать видным географом и путешественником, сравнимым с П.П. Семеновым Тянь-Шанским, Н.М. Пржевальским и М.И. Венюковым. Действительно, склонности к путешествиям, географическому изучению и съемкам местности, а также разного рода рекогносцировкам («разведкам» — по терминологии XIX в.)¹ у него стали проявляться еще в пору учебы в строевом отделении Николаевской академии Генерального штаба в 1866–1868 гг. (рис. 2).

Эта, по своему знаменитая, академия во второй половине XIX — начале XX вв. готовила офицеров Русской армии для службы «по Генеральному штабу» в двух отделениях: строевом и геодезическом. В первом офицеры готовились для службы на командных и

штабных должностях в войсках, во втором — на руководящие должности в Корпусе военных топографов.

Поступающие в академию сдавали вступительные экзамены по общеобразовательным и военным дисциплинам. Кроме того, «требовалось ясное понятие о ситуационных планах и топографических картах». Отбор кандидатов в академию был довольно строгий.

Программа обучения в академии, рассчитанная на два года, предусматривала, наряду с высшей военной подготовкой, изучение таких специальных предметов, как военная география и статистика, основы геодезии, топография и картография, а также инструментальная, маршрутная и глазомерная съемка местности, рекогносцировка, черчение планов и др.

Конечно, в то время будущему командиру или штабному офицеру для успешной службы в войсках необходимо было хорошо владеть навыками выполнения перечисленных съемок и рекогносцировки. Ведь, как уверяли бывалые слу-

¹ Термин «рекогносцировка» до первой половины XX в. имел два значения: исправление особым образом топографических карт и визуальная разведка противника.

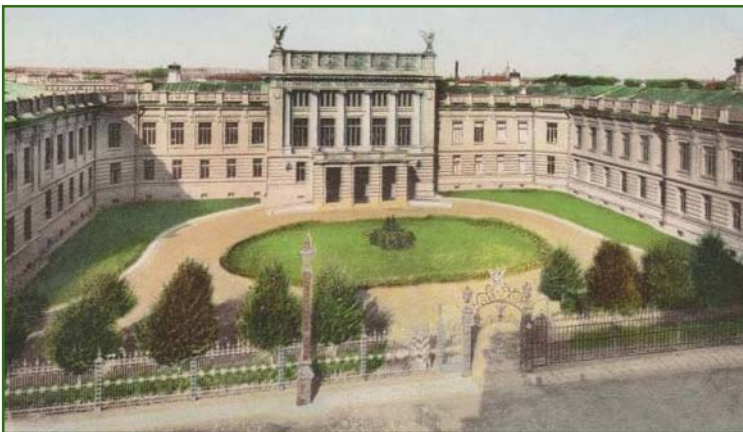

Рис. 2
Здание Николаевской академии Генерального штаба

жаки, стоило только обратиться к военно-топографической карте (даже недавно изданной) как тут же выяснялось, что она уже сильно устарела и ее нужно обновлять. В настоящее время все изменения на местности можно оперативно выявлять с помощью космической и аэрофотосъемки, а затем вносить на электронные и бумажные карты. В то далекое время ни самолетов, ни искусственных спутников Земли, как известно, не было. Поэтому в военное время (а зачастую и в мирное) необходимо было постоянно и в кратчайшие сроки выполнять новые съемки, рекогносцировки в интересах войск и затем на основе этого актуализировать имеющийся в штабах картографический материал.

Во второй половине XIX в. наиболее подходящими для оперативного обновления военно-топографических карт были глазомерные съемки, выполняемые с целью дать командирам и штабам по возможности полную и современную картину территории будущих сражений, перемещений войск. Эти съемки, в отличие от инструментальных, не отличались большой точностью, но выполнялись гораздо быстрее за счет использования особых приемов и простейших инструментов (легкий планшет, компас, визирная линейка, походный барометр-

высотомер), были наглядными за счет выразительного изображения карандашом первостепенных по важности объектов местности (высот, дорог, рек, болот и пр.) специальными условными знаками. Кроме того, глазомерная съемка должна была позволять командиру легко находить на местности любую точку плана и также легко находить на плане любой объект местности.

Еще быстрее и проще выполнялась рекогносцировка. Она осуществлялась обычно с седла верховой лошади. «Надо развить в себе способность рисовать, сидя верхом и даже не останавливая лошадь. С высоты седла лучше и больше

видно...», — говорилось в инструкции по съемкам и рекогносцировке, составленной заслуженным профессором упомянутой академии генерал-лейтенантом В.В. Витковским [1].

Результат рекогносцировки представлял собой кроки — упрощенный «карандашный» набросок местности на листе бумаги или картона с предварительно нанесенной на него увеличенной копией имеющейся на данный район карты, если таковая была в наличии. Рекогносцировка выполнялась по упрощенной методике. Несмотря на кажущуюся простоту работы, здесь требовался еще больший опыт у исполнителя, чем при глазомерной съемке, и даже искусство в ясном и наглядном изображении различных объектов (рис. 3).

Была еще одна разновидность рекогносцировки, называемой маршрутами, которые «имеют целью изобразить во всей полноте и возможной точности только дорогу на значительном протяжении; боковые предметы наносятся лишь постольку, поскольку они видны с дороги и могут иметь влияние на передвижение по ней войск. Словом, маршрут — это рекогносцировка дороги. На маршруте должны быть

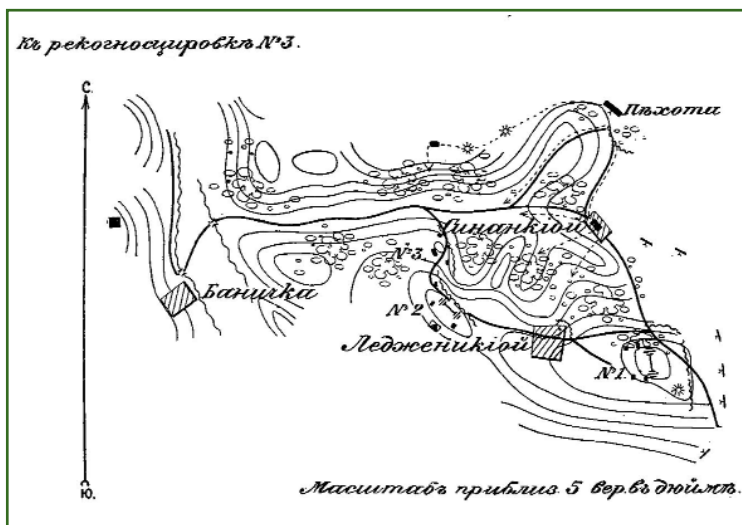

Рис. 3
План-схема — результат рекогносцировки (<https://runivers.ru>)

показаны населенные места, все изгибы дороги, пересечения ее другими, ширина и свойства дороги, препятствия для следования по ней войск и обозов, мосты, броды, подъемы и спуски, а также места, удобные для позиций, биваков и привалов...» [1].

Слушатель академии поручик М.Д. Скобелев за время обучения все эти рекомендации должным образом освоил, как это подтвердится позже всей его дальнейшей службой. Однако на выпускных экзаменах из академии по съемкам, как и по некоторым другим дисциплинам, он получил невысокие оценки (высшие — по военной истории, стратегии, иностранному языку) и окончил курс обучения только по 2-му разряду.

По действующим в то время правилам, с такими оценками офицеров-выпускников к Генеральному штабу «не причисляли» и откомандировывали назад в свои части, где дальнейшая их военная карьера могла вскоре бесславно завершиться.

Между тем, М.Д. Скобелев, произведенный в штабс-ротмистры, к Генеральному штабу все-таки был «причислен» (рис. 4). По одной версии — будто бы по ходатайству самого генерал-губернатора Туркестана, командующего войсками Туркестанского военного округа генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана, как перспективный офицер, представитель старинной военной династии, к тому же награжденный орденом Святой Анны 4-й степени «за храбрость» в боях с польскими мятежниками. По другой версии — по настоянию авторитетного военного теоретика, профессора стратегии полковника Г.А. Леера, которого М.Д. Скобелев поразил нестандартным решением тактической задачи во время полевых испытаний на выпускных экзаменах. Вместо ответа на вопрос о местонахождении

Рис. 4
Штабс-ротмистр
М.Д. Скобелев, 1868 г.

дении наиболее подходящей для конного полка переправы через реку Неман (этому должна была предшествовать рекогносцировка, которую он почему-то выполнять не стал) вскачил на коня и лихо переплыл реку туда и обратно [2].

Для дальнейшего прохождения службы штабс-ротмистр М.Д. Скобелев был направлен в Туркестанский военный округ, что, на наш взгляд, подтверждает, скорее, первую версию его «причисления» к Генеральному штабу.

В Средней Азии, где в то время в противовес Британской империи продолжалось присоединение новых земель к владениям Российской империи, он некоторое время руководил и непосредственно занимался инструментальной топографической съемкой территории Заревшанского административного округа, образованного в июне 1868 г. из восточной части Бухарского ханства [3]. Опыт этой отнюдь не героической, а скорее рутинной работы по картографированию незнакомой территории, которая выполнялась, как правило, чинами Корпуса военных топографов под руководством офицеров Генерального штаба, ему позже весьма пригодился.

Затем М.Д. Скобелев был назначен офицером для поручений в штаб Туркестанского военного округа (в г. Ташкент), где в его обязанности, наряду с другими, входили разведка районов дислокации вероятного противника и рекогносцировка местности. Конечно, не упускал он возможности поучаствовать и в боевых действиях, например, на беспокойной Бухарской границе, командуя казачьей сотней в отряде генерал-майора А.К. Абрамова — начальника Заревшанского округа.

В январе 1870 г. М.Д. Скобелев, осведомленный о планах военно-политического руководства организовать в недалекой перспективе поход в Хивинское ханство, обратился к генерал-адъютанту К.П. фон Кауфману с просьбой направить его в Хиву вместе с купеческим караваном (под видом приказчика) с целью изучения местности и путей движения, по которым позже предстояло двигаться войскам. Получив разрешение, М.Д. Скобелев стал готовиться к поездке (рис. 5).

Как стало известно из «посмертных бумаг» генерала от инфантерии М.Д. Скобелева, опубликованных в 1883 г., в той нелегальной экспедиции он предполагал выявить наличие воды по пути следования (ручьев, колодцев и ям, наполняющихся водой от таяния снегов), места нахождения оазисов и их населенность, степную растительность, которая могла бы служить кормом для лошадей и верблюдов. Он также планировал собрать статистические и исторические сведения, предания племен и влиятельных родов, кочующих в степи, выяснить их взаимоотношения, что характеризует его и как востоковеда. «Не захватами достигнем мы прочного положения в Средней Азии, а основательным изучением страны...»

Рис. 5
 Карта государств Средней Азии в середине XIX в. (линией красного цвета показано направление «Ташкент — Хива») (<http://vek-noviy.ru>)

— писал в своих записках М.Д. Скобелев. — *Характер наших современных отношений к хивинскому хану заставляет особенно желать возможно скорее и полнее ознакомиться с землями, ему подвластными...*» [4].

М.Д. Скобелев понимал, что в пути ему придется довольствоваться одним лишь запоминанием увиденного и осторожными расспросами местных жителей. Но он был твердо убежден, что военный поход следовало начинать только после подготовки опросной карты, проверки ее по другим сведениям и издания новой военно-топографической карты, позволяющей составить весьма ясное понятие о крае в военном отношении. «Условия степной войны в Средней Азии, где природа страшнее неприятеля, — писал М.Д. Скобелев, — требуют, прежде всего, возможно всестороннего знакомства со страной, в которой предстоит воевать...» [4].

К сожалению, по не зависящим от него причинам, задуманная тогда экспедиция не состоялась, хотя вероятность ее успеха была велика — караванное сообщение по интересующему штаб округа направлению было постоянным, а присутствие в туземном караване русского приказчика не вызвало бы осо-

бого подозрения. Непременный риск, связанный с этим предприятием, в случае успеха искупился бы, по мнению М.Д. Скобелева, «несомненной пользой службе...» [4].

Свою первую военно-географическую экспедицию М.Д. Скобелев совершил в 1871 г., находясь в Закаспийском крае в составе Красноводского отряда полковника Н.Г. Столетова, где командовал кавалерией.

Ему была поставлена задача: выполнить рекогносцировку и найти подходящий маршрут движения на Хиву, где могла бы пройти колонна, состоящая из нескольких тысяч солдат, трех-четырёх сотен кавалеристов, артиллерии и обоза из 4000 верблюдов с провизией, фуражом и боеприпасами. Необходимо было также найти обходные дороги и колодцы с питьевой водой.

13 мая 1871 г. небольшой по численности отряд М.Д. Скобелева выехал от колодцев Мулла-Кари, расположенных недалеко от Красноводского залива Каспийского моря, по направлению к озеру Сарыкамыш. Возле встречающихся на пути колодцев разведчики, как правило, оставались на ночлег (рис. 6).

В пути М.Д. Скобелев вел подробные записки о времени

следования, скорости движения отряда, об особенностях переходов, характере грунтов, перепадах высот, крутизне подъемов и спусков, о характере встречавшихся гор, ущелий, русел высохших рек, растительного покрова. Особенно его интересовал вопрос наличия воды в колодцах и ее пригодность для питья.

Поначалу маршрут был не особенно сложный и вполне подходящий для прохождения лошадей, каравана верблюдов и даже артиллерии. Но вскоре более или менее плотный песок перешел в сыпучий, появились высокие барханы, пересекавшие путь, а также крутые спуски в котловины. Это уже представляло серьезные затруднения для движения артиллерии. Усугубляли положение и лежащие на косогорах дорог россыпи крупных камней. Встречающиеся на пути колодцы были не всегда с пресной и пригодной для питья водой.

Пройдя нелегкий маршрут в более чем 320 км и миновав несколько колодцев, М.Д. Скобелев вынужден был оставить основные силы отряда с навьюченными верблюдами у последнего из них — Кум-Сешена. Сам же с группой в пять человек на лошадях двинулся дальше.

Рис. 6
 Типичный колодец в среднеазиатской пустыне

Миновав плоскогорье, отряд вышел к следующему колодцу — Узун-кую. Однако воды в том старом колодце не оказалось.

22 мая, после ночлега, разведчики направились к колодцу Кум-Сибшен, к основным силам отряда. 135 км они прошли за 16,5 часа. На следующий день отряд М.Д. Скобелева уже в полном составе двинулся в обратный путь — к колодцам Мулла-Кари.

В ходе этой военно-географической экспедиции было разведано и пройдено около 950 км пути по песчаной пустыне. С учетом полученных в ходе рекогносцировок данных на штабные карты были нанесены основная и обходные дороги на Хиву.

Важно отметить, что той экспедиции была дана высокая оценка не только в военном ведомстве. 9 февраля 1872 г. ее материалы были рассмотрены на Общем собрании Императорского Русского географического общества, и в том же году опубликованы в восьмом томе «Известий...» общества в виде статьи М.Д. Скобелева «Маршрут, пройденный из Красноводска по направлению на Хиву» [5].

Военный поход в Хивинское ханство под эгидой «освобождения наших соотечественников, томящихся в тяжелом плену» состоялся два года спустя. Войска Русской армии двигались тремя отрядами: с Кавказа через Красноводск; из Оренбурга через Усть-Кут; напрямую со стороны Ташкента. Их маршруты с местами ночлегов и колодцев были показаны на специальной карте, составленной офицерами Корпуса военных топографов на основе «Карты Кызыл-Кумов, исследованных в 1872 году» в масштабе 20 верст в дюйме. Образец военно-картографического материала того времени показан на рис. 7. В некоторых

местах продвижение войск «обошлось без выстрела», в некоторых — состоялись кровопролитные бои с туркменской конницей.

М.Д. Скобелев также участвовал в том походе. Командуя двухтысячным авангардом Мангышлакского отряда полковника Н.П. Ломакина, в условиях безводной пустыни и невыносимой жары, он нередко лично осуществлял рекогносцировки местности, находил и обеспечивал охранение жизненно важных колодцев, демонстрируя в течение всего похода необычайную силу духа, мужество и великолепные командирские качества.

В одном из боев М.Д. Скобелев был тяжело ранен — лекарь насчитал на его теле семь колотых и резаных ран. Одна была тяжелая, но он лечился, не покидая строя. По воспоминаниям современников М.Д. Скобелева, даже среди бывалых туркестанских воинов «он выделялся своим поразительным самообладанием и храбростью. Инициатива, верный глазомер, быстрота в при-

нятии решений уже тогда отличали молодого офицера...» [6].

29 мая 1873 г. войска Русской армии в парадном строю и под звуки марша вошли в Хиву. Над ханством фактически был установлен протекторат Российской империи.

Спустя два месяца, уже Генерального штаба подполковник, М.Д. Скобелев (еще не совсем оправившийся от ранений) выполнил очередную смелую по замыслу и исполнению рекогносцировку. Здесь важно отметить, что ее результат положительно отразился на судьбе одного из достойнейших офицеров Русской армии.

В означенное время в лагере Ильялы, располагавшемся в 25 км от городка Ташауз, стоял военный отряд полковника В.И. Маркозова. Во время недавнего похода на Хиву этот отряд, не дойдя до цели 320 км и не выполнив поставленной боевой задачи, вернулся. Его командир утверждал, что распросные сведения местного населения о каракумских колодцах далее озера Сары-

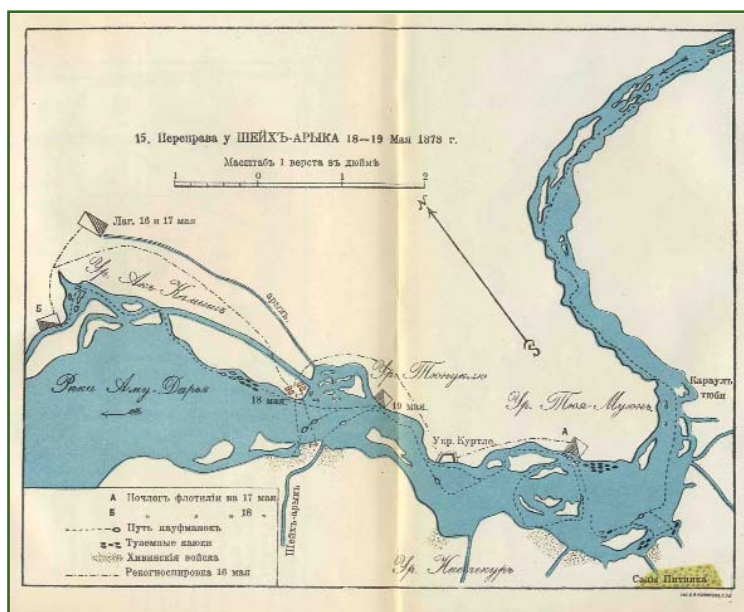

Рис. 7

Образец военно-картографического материала 1873 г.: «Карта переправы у Шейх-арыка», использованная войсками Русской армии во время Хивинского похода (<http://xorazmiy.uz>)

камыш были лживы и не соответствовали действительности, в связи с этим отряд в страшную жару («*даже термометры все полопались*») без воды увяз в песках в урочище Орта-Кую. Чтобы спасти своих бойцов от неминуемой гибели, В.И. Маркозов был вынужден повернуть обратно. За это его отстранили от командования отрядом и обвинили в невыполнении поставленной боевой задачи. Не желая препятствовать разбирательству, В.И. Маркозов «*подал в отставку*».

Командованием же было принято решение значительными силами пехоты, кавалерии и артиллерии провести рекогносцировку по маршруту, не пройденному отрядом В.И. Маркозова (от Хивы до урочища Орта-Кую), исследовать его, а заодно проверить показания опального полковника.

Однако инициативный М.Д. Скобелев предложил эту задачу решить по иному — оперативно и малыми силами. На эту рекогносцировку он отправился с пятью всадниками (трое туркменами, оренбургским казаком и своим конюхом — бывшим его крепостным). На случай нежелательной встречи с воинственными туркменами-йомудами, известными своими разбойничьими набегами в соседние Персию и Хоросан, пришлось нарядиться в соответствующую одежду.

Как свидетельствует один из сослуживцев М.Д. Скобелева, его храбрость в бою, сопряженная с огромным нервным напряжением и хладнокровием, стояла той рассудочной смелости, с которой он осуществлял свои «*разведки и рекогносцировки*». Подтверждением этого стала очередная экспедиция.

Выехав на лошадях глубокой ночью (четыре лошади были взяты «*про запас*»), группа в

первый же день, 4 августа, благополучно достигла первого колодца, «*очень скудного водой*». Пройденное расстояние М.Д. Скобелев измерял «*быстротой хода лошади*» и на всем пути аккуратно заносил на план (а это несколько склеенных листов кроки) все, что встречал по дороге и видел по сторонам.

Когда отряд остановился на отдых у одного из колодцев, то едва не попал в плен к йомудам. Местный пастух случайно обнаружил разведчиков и тут же помчался к ближайшему кочевью, где поднял тревогу. Пришельцам пришлось срочно ретироваться. Более сотни йомудов понеслись за ними по пятам. Позже М.Д. Скобелев не раз говорил, что своим спасением они были обязаны исключительно резвости лошадей [7].

Но и дальнейший путь, по свидетельству М.Д. Скобелева, был чрезвычайно тяжелым, правда, теперь уже по физико-географическим условиям: «*глинистые солончаки с рыхлыми и сыпучими песками, по которым без помощи людей не везде в состоянии тянутся орудия, даже на превосходных... лошадях*», невыносимая жара, сухой, удушливый ветер, разносивший «*массы раскаленного песка, от которого по целым часам трудно было различать предметы даже на самом близком расстоянии*», и пр. [8].

Положение путников было ужасное. Обессиленные форсированным движением, ослабленные недостатком пищи и постоянной жаждой, которую не в состоянии была утолить теплая и тухлая вода из бурдюков, они с трудом тащились по знойной безотрадной пустыне. Жара стояла невероятная: прикоснуться к оружию было невозможно — металл до волдырей обжигал руки, у некото-

рых разведчиков «*носом пошла кровь*». Дойдя до очередного колодца, напоили оставшихся в живых лошадей и пополнили запас воды. Без нее на обратном трудном пути всех ожидала верная смерть.

В Хиву отряд прибыл, пройдя за неделю около 650 км и ведя в поводу только двух исхудавших лошадей. В своем рапорте М.Д. Скобелев отметил, что Орта-Куюнский путь был непроходим для отряда полковника В.И. Маркозова и командир поступил правильно, повернув обратно к Каспийскому морю. Дальнейшее движение вперед привело бы к неоправданной гибели людей.

После рассмотрения командованием описания рекогносцировки (по дошедшим до нас оценкам, оно было выполнено очень качественно) и рапорта М.Д. Скобелева с В.И. Маркозова были сняты все обвинения, его доброе имя и честь офицера — сохранены, более того «*высочайшим*» приказом ему была объявлена благодарность. Спустя год он вернулся на военную службу и, прослужив без малого еще четверть века, был уволен «*по болезни*» в чине генерала от инфантерии.

14 августа 1873 г. «*Кавалерская Дума Ордена Св. Георгия, учрежденная предписанием Командующего войсками, действующими против Хивы, от 14 августа 1873 года № 1731, рассмотрев подвиг, совершенный Генерального штаба подполковником Скобелевым, на основании параграфа 15 статьи 126 II части, II книги Свода военных постановлений, нашла штаб-офицера этого, достойным награждению орденом Св. Георгия 4 степени за исследование не пройденного нашими войсками части Змукширо-Красноводского пути. Члены Думы...*»².

² Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 400. Оп. 12. Д. 2522. Л. 4.

30 августа того же года на основании ходатайства упомянутой Кавалерской Думы М.Д. Скобелев был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. *«Молодецки, вполне успешное исполнение опасного и полезного предприятия, свидетельствует об отличности мужества, храбрости и энергии сего штаб-офицера...»*³, — говорилось по этому поводу в соответствующем императорском указе.

Остальные члены отряда М.Д. Скобелева были награждены знаками ордена Св. Георгия. Отчет о рекогносцировке был опубликован в «Известиях Кавказского отделения...» Императорского Русского географического общества за 1873 г. [9].

Заметим, что эта рекогносцировка в солдатской среде *«туркестанцев»* стала легендарной и со временем обросла множеством подробностей и небылиц. Ей, кстати, была посвящена одна из 19 *«картин»* из специальной скобелевской серии под названием *«Смелая разведка при покорении Хивы»*. Она демонстрировалась с помощью *«вол-*

Рис. 8
Генерального штаба подполковник М.Д. Скобелев — георгиевский кавалер, 1873 г.

шебного фонаря» (проеекционного аппарата — прототипа современного кинопроектора) [10] (рис. 8).

Летом 1876 г. состоялась последняя военно-географическая экспедиция М.Д. Скобелева — к тому времени Свиты Его Императорского величества генерал-майора, первого военного губернатора и командующего войсками Ферганской области. Путь экспедиции лежал к Алайскому хребту — горному хребту Памиро-Алайской горной системы в Киргизии и частично в Таджикистане. В ходе нее М.Д. Скобелеву предстояло установить южную границу Ферганской области и подготовить *«маршрут»* для намечавшегося *«посольства»* в Кашгарию, во владения Магомета Якуб бека — правителя государства Йеттишар, существовавшего на территории Восточного Туркестана в 1860–1870-х гг.

Несмотря на то, что в рассматриваемое время крупных военных действий в тех краях не предполагалось, экспедиция была довольно значительна по численности и хорошо вооружена: 6 рот пехоты, 5 сотен казаков, конно-строительный дивизион, саперная команда, 4 горных орудия и ракетная батарея с пусковыми установками системы К.И. Константинова. Конечно, это была явная демонстрация силы для местного населения во избежание нежелательных кровопролитных сражений. Однако совсем обойтись без боестолкновений с кочевниками все же не удалось.

Экспедиция отправилась в путь 16 июля, но в течение двух последующих суток продвигаться пришлось с боями местного значения, и только затем началась ее научная часть.

*«Начальствование над всем отрядом, которому присвоено название Алайского действующего, принял я, — докладывал рапортом М.Д. Скобелев генерал-губернатору Туркестана генерал-адъютанту К.П. фон Кауфману. — Начальником штаба назначен причисленный к Генеральному штабу гвардейской конно-артиллерийской бригады капитан [А.А.] Боголюбов; заведующим инженерной частью — Туркестанской саперной роты подполковник [Д.М.] Резвый; заведующим производством топографических работ — Корпуса военных топографов подполковник [Л.Ф.] Лебедев; сверх того при отряде для ученых наблюдений и изысканий находились: Генерального штаба подполковник [А.Ф.] Костенко, геодезист подполковник [А.Р.] Бонсдорф...»*⁴, видный географ-натуралист Н.Ф. Ошанин, а также несколько специалистов для барометрических наблюдений, топографических работ, *«статистических исследований»* и сбора естественно-исторических коллекций [7].

Сам по себе двухнедельный поход при сильных морозах на горных высотах порядка 3–4,5 тысяч метров был очень труден. Между тем переход через огромный горный массив военного отряда с разного рода оружием, вьючными животными и прочим необходимым для экспедиции имуществом позволил обрести М.Д. Скобелеву драгоценный опыт, который он с успехом использовал год спустя при переходе через Балканы во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. [11]. В Алайской экспедиции *«с той же точностью и аккуратностью, которые всегда отличали Скобелева, он отмечал самые мелкие подробности географии»*

³ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 400. Оп. 12. Д. 2522. Лл. 29–31.

⁴ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6884. Л. 145.

Рис. 9
Алайский хребет

местности, намечая наиболее удобный путь из Ферганской области в Кашгару...» [7] (рис. 9).

Уяснив границы прежней территории Кокандского ханства и основываясь на различных военно-стратегических соображениях, М.Д. Скобелев пришел к выводу о необходимости и правомерности со стороны России «владеть всю горную полосу» [12].

Вскоре «желанная граница была занята, и если на востоке... пришлось уступить Китаю Улукчай, то к югу граница русских владений продвинулась значительно вперед, к Памиру...», что, по мнению западных военных аналитиков, таило в себе потенциальную угрозу для Британских владений в Азии.

«Каракиргизы, населяющие горную полосу, приведены в покорность, между ними учреждено русское управление...», — докладывал М.Д. Скобелев генерал-адъютанту К.П. фон Кауфману по окончании экспедиции. — Отныне эти кочевники, не признававшие ничьей власти, русские поданные...» [7].

Алайская экспедиция М.Д. Скобелева в то время, безусловно, имела большое значение для укрепления могущества Российской империи в Средней Азии. Политическим результатом ее было присоединение новых земель к Ферганской области, занятие Кашгарской границы и достигнутое соглашение с каракиргизами на постройку Гульчинско-Алайской дороги, которая после ввода в эксплуатацию стала

называться «Скобелевским путем» (рис. 10).

Конечно, этот поход также сыграл важную роль в географическом изучении и картографировании Северного Памира. Так, судя по отчету М.Д. Скобелева, на карту было «нанесено... около 25 тысяч квадратных верст [местности]. Положено твердое основание картографии новых стран определением одиннадцати астрономических пунктов. Произведена барометрическая нивелировка от Коканда до перевала Уз-Бель-Су и обратно, посредством которой определена высота сорока двух пунктов над уровнем моря...»⁵.

В ходе экспедиции военными топографами была проведена «Маршрутная съемка путей, пройденных колоннами Алайского отряда...» (всего 38 листов карт крупного масштаба). Отдельные съемки были выполнены во время поездки М.Д. Скобелева к Кашгарскому пикету на реке Нуре. Кроме того, было определено магнитное склонение на пяти пунктах, собраны богатые естественно-исторические коллекции и «открыты совершенно неве-

Рис. 10
Фрагмент карты Туркестана и степных областей, вторая половина XIX в. (www.foto.kg)

⁵ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 1438. Оп. 1. № 38. Л. 57–58.

домые европейцам страны» [12].

По результатам работ Алайской экспедиции были составлены три отчетные карты: первая из них «Отчетная карта движения отрядов в Алайской экспедиции с 12 июля по 1-е сентября» с нанесенными маршрутами всех отрядов экспедиции, с несколькими населенными пунктами, рекой Нура и с южной границей Кокандского ханства; вторая — «Отчетная карта Алайской экспедиции с показанием астрономических определений» со сведениями об астрономо-геодезических определениях координат пяти точек, третья — «Распросная карта бекств... и частей смежных с ними владений...» с нанесенными границами российской и кашгарской территорий, пунктами барометрического определения высот перевалов и других точек на маршрутах отряда.

Результаты Алайской экспедиции были высоко оценены не только военным командованием, но и научной общественностью. Так, известный географ и геолог, профессор Петербургского технического университета И.В. Мушкетов, автор капитального труда «Туркестан», в своем «Очерке исследований Памира» особо подчеркнул, что участники той экспедиции «составили первую точную карту Памира и Алая» [12].

В настоящее время, с учетом вышеизложенного, можно обоснованно утверждать, что выдающегося военачальника генерала от инфантерии М.Д. Скобелева можно считать и выдающимся географом. Подтверждением тому является коллективное заявление об избрании его в число почетных членов Императорского Русского географического общества. Оно было подано 5 апреля 1882 г. на заседании Совета общества его

почетным членом Н.М. Пржевальским — известным географом и натуралистом, членом-соревнователем (почетителем общества) А.Д. Башмаковым — видным этнографом, а также несколькими действительными членами общества, среди которых были такие авторитетные ученые как К.Н. Бестужев-Рюмин — историк, руководитель Санкт-Петербургской школы историографии; В.П. Васильев — китаевед, действительный член Петербургской академии наук; Ф.Ф. Миллер — известный астроном, участник ряда географических экспедиций; П.И. Савваитов — археолог и историк, член-корреспондент Петербургской академии наук, и др. В том заявлении, в частности, указывалось «на великие заслуги, оказанные Отечеству М.Д. Скобелевым, как покорителем Ферганы и Ахал-Теке, на его громкую известность во всем свете, как верного выразителя русских чувств и борца за русские интересы. Встречая с полным сочувствием и с благодарностью настоящее указание, Совет постановил: принять это заявление к соображению в заседании, предшествующему Общему собранию с тем, чтобы само избрание [М.Д. Скобелева почетным членом Императорского Русского географического общества] могло быть произведено в Годовом собрании в январе 1883 г. ...» [13].

Этот важный, но до сих пор малоизвестный документ был недавно обнаружен в XVIII томе «Известий...» общества за 1882 г. и теперь, пожалуй, впервые запускается в научный оборот (рис. 11).

К сожалению, избрания М.Д. Скобелева почетным членом Императорского Русского географического общества в назначенный срок не состоялось. Как известно, 25 июня 1882 г. он скоропостижно, при

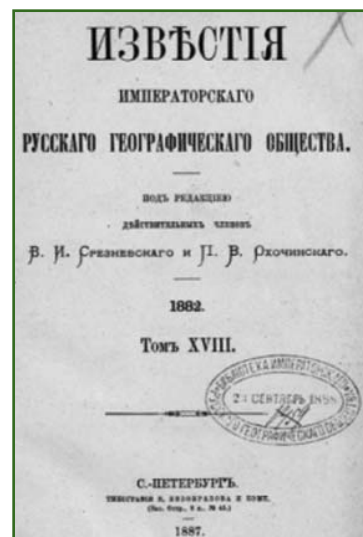

Рис. 11

Титульный лист Известий Императорского Русского географического общества, т. XVIII, 1882 г. (издано в 1887 г.)

невнятных обстоятельствах, скончался. Но его имя все-таки появилось через четверть века после кончины на географической карте Российской империи: в 1907 г. город Новый Маргелан — бывший военно-административный центр Ферганской области — был переименован в Скобелев. В 1924 г. этот город (в рамках советизации прежних царских наименований) получил название Фергана.

В Царстве Польском его именем было названо одно из русских поселений — деревня Скобелевка. В 1919 г. она была переименована в Барташовку в память активного участника восстания в 1794 г. под предводительством Тадеуша Костюшко — крестьянина Бартоша Гловацкого [14].

В настоящее время имя выдающегося военачальника Русской армии и географа можно найти на топографических, административных и других картах мира. Его именем обозначены:

— в России: две деревни с одинаковым названием Скобелево, расположенные в Ка-

симовском районе Рязанской области и в Ленинском районе Тульской области; станция Скобелевская в Гулькевичском районе Краснодарского края, имеющая даже соответствующий герб (рис. 12);

— на Украине: село Скобелево в Казанковском районе Николаевской области;

— в Болгарии: пять сел с одинаковым названием Скобелево в Ловечской, Хасковской, Пловдивской, Старозагорской и Сливенской областях;

— в Киргизии: Пик Скобелева (восточный), высота над уровнем моря 5051 м — наивысшая точка, горной цепи Кичик-Алай, расположенной к северу от Алайского хребта (рис. 13); перевал Седло Скобелева, высота 4957 м, и Пик Скобелева (западный), высота 4986 м, лежащие к северо-западу от указанного пика.

Конечно, можно было еще рассказать и о названных в честь М.Д. Скобелева проспектах, улицах, парках и площадях, о различных памятниках и произведениях искусства, посвященных ему. Однако это, как говорится, уже другая история...

Автор выражает благодарность и глубокую признатель-

ность А.И. Глухову, советнику Департамента экспертно-аналитической и проектной работы Исполнительной дирекции Русского географического общества (Москва), и Н.С. Попову, краеведу-исследователю (Рязань), за предоставленные ими архивные материалы, касающиеся некоторых важных событий биографии генерала от инфантерии М.Д. Скобелева.

▼ **Список литературы**

1. Витковский В.В. Топография. — СПб.: Типография Ю.Н. Эрлих, 1904.
2. Филиппов М.М. Скобелев. — СПб., 1994.
3. Глушков В.В. История военной картографии в России (XVIII — начало XX в.). — М.: ИДЭЛ, 2007.
4. Посмертные бумаги М.Д. Скобелева // Исторический вестник. — Т. 10. — 1882. — http://drevlit.ru/docs/central_asia/XIX/1860-1880/Skobelev/posm_bumagi_1.php.
5. Скобелев Михаил Дмитриевич. — <http://travelers-rzn.ru/2014-07-03-03-24-00/skobelev-m-d>.
6. Муханов В.М. Исторические портреты. Михаил Дмитриевич Скобелев. — <https://docplayer.ru/29566048-Istoricheskie-portrety-mihail-dmitrievich-skobelev.html>.
7. Михаил Скобелев. Сборник / Сост. И.Д. Носков. — М., 1997.
8. Маркозов В.И. Красноводский отряд. — СПб., 1898.

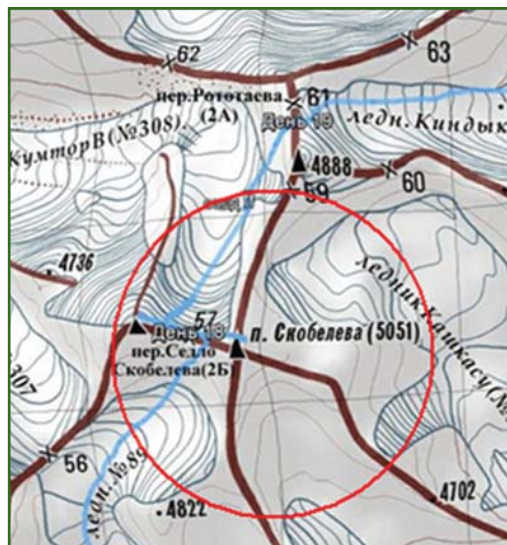

Рис. 13
Фрагмент топографической карты горной цепи Кичик-Алай

9. Скобелев М.Д. От Змукира до колодца Орта-Кую. Описание рекогносцировки, произведенной Генерального штаба подпол. Скобелевым с 4-го по 11-е августа 1873 г. — Тифлис, 1873.

10. Ермаченко И.О. Легенда о «Белом генерале»: от Турции до Японии (Ориентализм и «народная культура» на рубеже XIX и XX вв.) // Сб. материалов международной научно-практической конференции «М.Д. Скобелев: история и современность». Рязань, 27–28 сентября 2013 г. — Рязань, 2014.

11. Русский орел на Балканах: Русско-турецкая война 1877–1878 гг. глазами ее участников. Записки и воспоминания. — М., 2001.

12. Постников А.В. Схватка на «Крыше Мира»: политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке (монография в документах). — М., 2001.

13. Журнал заседания Совета Императорского Русского географического общества — 5 апреля 1882 г. // Известия Императорского Русского географического общества. — 1882. — Т. XVIII. — СПб., 1887.

14. Горак А. След М.Д. Скобелева в польских землях: памятники, майораты и деревня Скобелевка / Сб. материалов международной научно-практической конференции «М.Д. Скобелев: история и современность». Рязань, 27–28 сентября 2013 г. — Рязань, 2014.

Рис. 12
Станция Скобелевская Гулькевичского района Краснодарского края и герб станции